

АРХИТЕКТУРНАЯ СРЕДА: ПРОСТРАНСТВА, ТЕРРИТОРИИ, ЛОКУСЫ***В.В. Федоров****Тверской государственной технической университет (г. Тверь)*

© Федоров В.В., 2020

Аннотация. Рассматривается структурная организация архитектурной среды города, включающей территории, пространства, локусы. Показано, что архитектурной среде исторического центра города свойственны особые предметно-пространственные включения – локусы власти. Сложная динамика взаимообусловленности социального бытия и архитектурной среды определяет актуальность изучения взаимодействия локуса (архитектуры) власти и социума. Рассматриваются базовые черты архитектуры власти: социотехнический характер, особенности функционирования, упорядоченность структуры. Анализируются достоинства и общественное значение архитектуры власти, латентные черты функциональной структуры, диахрония композиционных свойств и принципов обеспечения замкнутости. Потенциал влияния власти, использующей семантику архитектуры, соотносится с процессами реализации алгоритмов обитания, распространения, доминирования. Трансформация статуса архитектурного пространства власти рассматривается не только как архитектурно-планировочное преобразование, а как изменение его семантики и отношения к нему. Утверждается, что концептуализация локуса (утверждение аутентичности) конвертируется в популярность, влияние, экономический рост населенного места. Общественное значение локусов власти заключается в их способности предметно-пространственного моделирования социальной действительности; формировании потенциала снятия социального напряжения; подсказке вариантов поведения социальных акторов в нестандартных ситуациях. Отмечается, что для современных пространств власти характерен постепенный отказ от традиционной замкнутости в пользу имитируемой открытости. Констатируется, что образ архитектурного пространства власти представляет собой один из ракурсов социально-исторического портрета власти.

Ключевые слова: город, архитектурная среда, территория, пространство, локус, трансформация локусов власти, социосемиотика архитектуры.

DOI: 10.46573/2658-7459-2020-4-38-47

Архитектура, пронизанная многовековыми традициями, представляет собой наиболее сложное из пластических искусств, сплав изменчивых представлений о «пользе, прочности, красоте» (Витрувий). В техническом отношении предметно-пространственное наполнение городской среды вот уже на протяжении четырех веков лишено фундаментальных инноваций [1, с. 544]. По сути, используются все те же материалы, конструктивные и объемно-планировочные решения.

Жизненный цикл опорных объектов городской среды измеряется десятилетиями/столетиями. И эти «вечные» архитектурные тексты (их морфо-функциональное содержание) по-новому прочитываются следующими поколениями. Одновременно эволюционируют представления о комфортной среде, например для жилища это неизбывный интерес к интимной стороне жизни (меняются размеры, пропорции и количество помещений, приходящихся на одного человека, в центре внимания попеременно оказываются коридоры-коммуникации или «перетекающие» пространства и т. д.).

Глобальные изменения действительности (рост социальной напряженности, обусловленный проблемами межэтнических и межрасовых отношений, климатические сдвиги, состояние экономик, пандемия COVID-19 и пр.) определяют актуальность взгляда на ситуацию сквозь призму пространственных отношений. В частности, это позволяет рассматривать отношения социума и власти как особым образом организованных пространств. Понимание различных граней взаимодействия *пространства социального* и *пространства власти* более полно раскрывает их структуру и содержание, типы взаимовлияний, характер связей между ними. И если территория может быть определена как часть окружающего мира (среда, допускающая существование на ней жизни, обеспечивающая ее ресурсами), то *пространство – это способ организации территории для конкретных видов жизнедеятельности* [2; 3]. Иными словами, «пространство» может трактоваться как *социальная реальность, спроецированная на территорию*. Пространство создается человеком в процессе обустройства жизни, функционально организует ее разные сферы (хозяйственно-бытовую, правовую, рыночную, социальную и, конечно, властных отношений).

Одна из первых в истории человечества городская площадь, воплощавшая идею власти, появилась в ходе перестройки центрального ядра Вавилона в начале VI в. до н. э. Позже символ «центр власти» утрачивает материальность, воспринимается как результат взаимодействия зданий, сооружений и пространственных пауз между ними. Например, греческие центральные площади (агоры) охватывались по периметру портиками, колоннады которых идеально упорядочивали «пустое» пространство, наполняя его значением. Очень четко центральное и особое положение власти выражалось в барочной архитектуре Рима, где площадь не сливается с городом, а отделена от него и живет самостоятельной жизнью.

Структура пространственного распределения власти (легитимно присвоенных возможностей управления, неравных возможностей доступа к благам, их материальному и символическому присвоению) представляет собой объективированную форму борьбы за пространственную мобильность между столицей и провинцией; агломерациями; локусами (участками иерархизированного городского пространства) и пр. Общество воспринимает локализацию как показатель успеха или поражения индивида, социальной или этнической группы [4, с. 27; 5; 6]. Борьба за пространство может осуществляться и на индивидуальном, и на коллективном уровнях. Ее итог – локус власти (место бесспорного пространственного господства) – одна из привилегированных форм феномена власти, материализация социальной траектории.

Исторически сложилось так, что в центре средневекового европейского города обычно располагалась рыночная площадь, а на ней или же неподалеку стояли здания городского магистрата (ратуша) и главной городской церкви (в епископских городах – собора). Здесь располагались резиденции различных ветвей власти, концентрировались ее организационные структуры. Храмы (с колокольнями) и ратуши (с традиционными часовыми башнями) всегда превосходили окружающую застройку своей высотой, имели крупные членения, свойственные архитектуре общественных зданий, выразительный силуэт, богато украшенные фронтоны и пр. Приближаясь к городу, можно было издали определить расположение архитектурной доминанты исторического центра города – локуса власти.

Современный город (как территория) оберегает свой исторический центр, где наиболее очевидным образом смешиваются функции и население. И только локус власти не допускает подобного смешения, поскольку подчинен выполнению преимущественно властной функции. При таком подходе локус власти рассматривается как «*монофункциональный*» оператор пространства социального бытия и, конечно, не сводится к понятиям *топографии* и *ландшафта*. Пространственная организация рассматриваемого феномена навязывает субъекту восприятия взгляд «издалека» и «снизу вверх». Однако доминирование такого ракурса неизбежно вносит помехи в результат

восприятия и понимания, а главное, противоречит идее целесообразности и утилитарности городской среды.

Феномен локуса власти пронизывает все иерархические уровни антропогенных пространств, воспроизводя себя на каждом из них; предполагает взаимодействие различных аспектов его восприятия и осмысления (перцептивного, иконического, лингвистического, символического, онтологического и пр.). Отправной точкой рефлексии пространства власти являются место, время, социальная динамика, а также мораль, память, душевные порывы и пр. Мироззрение человека центрировано, следовательно, условием (фундаментальной необходимостью) рефлексии и принятия существующего порядка вещей является константная топография населенного места – положение локуса власти (обязательно в центре, выше селитьбы и других функциональных зон).

В ходе истории города нередко получали право самоуправления и личную свободу для своих граждан. В свободном поселении власть обычно принадлежала выборному совету – магистрату, все места в котором де-факто делились исключительно между членами богатейших семейств. Добившись независимости, города подчиняли себе большие территории вокруг, жителям которых отныне приходилось работать на городские республики точно так же, как раньше на суверенов. Менялся субъект власти, но не структура архитектурного пространства.

Идея природно-пространственной обусловленности становления и социокультурного развития антропогенной среды (включая пространства власти) не встречает каких-либо убедительных возражений. Бесспорно, потенциал влияния власти является естественным продолжением реализации алгоритмов обитания, распространения, доминирования. Чем сложнее арсенал задействованных архитектурных средств и приемов организации пространства, тем богаче семантика среды (результат коннотации). Поэтому трансформация статуса архитектурного пространства власти означает не переустройство, а радикальное изменение отношения к нему. Соответственно, новая концептуализация локуса (утверждение аутентичности) конвертируется в популярность, влияние, экономический рост. Яркий пример – возвращение столичного статуса Берлину после объединения ФРГ и ГДР, когда в полной мере сработал эффект новации-самоидентификации, новации-возрождения (реновация рейхстага, масштабная санация селитебных территорий и пр.).

Архитектурное пространство власти – удачно расположенный в центре города, ухоженный, тщательно контролируемый и малопосещаемый горожанами (туристы не в счет) фрагмент городской ткани – вызывает очень сложные чувства, которые во многом обусловлены не только и не столько архитектурными достоинствами, но, прежде всего, социально-политической обстановкой в стране или регионе. По сути, речь идет о восприятии не просто архитектурной среды, но шире – социально-исторического портрета власти (и не только актуально действующей).

Веками на социально-историческом портрете архитектурных пространств власти обнаруживаются одни и те же черты [6–10]:

1. Достоинства архитектуры власти:

а) организация точек/зон контакта для продуктивной коммуникации власти и общества;

б) стабильность в критические моменты истории;

в) постоянная готовность к функционированию (иногда даже в руинированном состоянии);

г) следование господствующей морали и общепринятым канонам.

2. Общественное значение локусов власти заключается:

а) в их способности предметно-пространственного моделировании социальной действительности;

б) использовании технологий снятия социального напряжения;

в) подсказке вариантов поведения социальных акторов в нестандартных (конфликтных) ситуациях.

3. Атрибутивной, но латентной чертой пространств власти является учет возможности силового воздействия (нападения, переворота, свержения). Чувство опасности, не оставляющее архитектора и власть (в роли заказчика), всегда заставляло думать о необходимости сооружения: ранее – крепостных стен, башен, рвов/валов; сегодня – художественно выполненных оград (по сути, тех же крепостных стен и заборов), тайных ходов, секретных линий метрополитена и пр.

4. Более сложная организация пространства, особый масштаб зданий и сооружений, привлекающий всеобщее внимание и находящийся вне публичной критики.

5. Сдержанный характер пластических форм, строгость цветоцветовых и фактурных решений (основные черты – отвлеченность, геометричность, нефигуративность).

Современные пространства власти постепенно отказываются от композиционных средств и принципов обеспечения пространственной изолированности (замкнутости) в пользу старательно имитируемой открытости (прозрачности). Создаются масштабные открытые, перетекающие пространства интерьеров, неотделимые от внешнего окружения, и одновременно – максимально закрытые рабочие помещения, потаенные, расположенные ниже дневной поверхности, защищенные с помощью самых современных технических средств от любого внешнего контроля, тем более от покушения.

В процессе своего функционирования архитектурные пространства власти включены в процессы социального бытия, следовательно, постоянно претерпевают некие трансформации, обусловленные изменениями социального контекста. Длительный жизненный цикл зданий и сооружений в структуре локусов власти означает их историческое предметно-пространственное постоянство, поэтому неизбежные изменения пространства власти носят содержательный, ценностно-смысловой, но не архитектурно-ландшафтный характер.

Какие-то черты достаточно просто стираются с портрета власти (локуса власти). Скажем, в течение одной ночи надпись «Ленин и Сталин» (1953–1961) на мавзолее В.И. Ленина укоротилась вдвое, вернувшись к своей изначальной форме «Ленин». В то же время в силу ряда обстоятельств само здание мавзолея В.И. Ленина сегодня физически неустранимо, поэтому в моменты проведения торжественных мероприятий на Красной площади Москвы оно вынужденно драпируется и маскируется мобильными трибунами.

Формирование архитектурных пространств не ограничивается средствами формальной эстетики (равновесием, ритмом, светом, цветом и пр.) и особенностями индивидуального видения мира субъектом восприятия. Смысл архитектуры всегда находится за пределами ее физических свойств, поэтому очень важно чувство сопричастности человека к происходящему, т. е. социальная роль, предлагаемая (освоенная) в этой ситуации. Обнаруживаемые при этом значения локуса являются прежде всего следствием идентификации его достоинств. Так, семантика пространства власти отличается от результатов «потребления» селитебной территории уже в силу различных масштабов и времени нахождения в ней человека. В среде повседневного пребывания многие значения «стираются», воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. И, напротив, эпизодическое погружение в пространство власти усиливает, обостряет его коммуникативную функцию.

Чаще всего речь не идет о каких-то принципиально новых решениях, скорее об использовании гипертрофированных размеров, непривычных сочетаний и пр. Во-первых, это использование особых, функционально не обусловленных размеров (габаритов, высоты, уровней расположения) элементов предметно-пространственного наполнения архитектурных пространств власти. Во-вторых, почти обязательные грандиозные атриумы, применение этажей преувеличенной высоты, большие размеры и особый характер размещения и пропорций дверных/оконных проемов в зданиях. В-третьих, обнаружение «оптимальной меры сложности» архитектурных решений (степень упорядоченности,

характер членения фасадных поверхностей, использование непривычных стилистических приемов, деталей и пр.).

Места дислокации власти демонстративно наполнены значениями как никакой другой фрагмент городской среды. Их визуальная социосемиотика обеспечивает необходимый набор стимулов восприятия, понимания и присвоения важной для социума информации. Именно здесь создаются наиболее продуктивные формы контактов между людьми и социальными группами. Заметим в этой связи, что в момент массовых митингов самые обычные городские площади современного города на время приобретают функциональность и статус традиционных пространств власти. Всегда и везде оппозиция стремится провести мероприятие в пределах официально признанных пространств власти, тем самым придавая им особое звучание. Значение происходящего зависит не только от количества участников, но и от локации (например, очевидны различия в характере информации о массовом мероприятии на центральной площади города или на его окраине).

Феномен власти (как асимметрия влияния) предполагает существование на территориях исторических центров крупных поселений неких локусов – архитектурных пространств власти, которые являются наиболее важными составляющими ее символизма [8, с. 184]. Во-первых, это особого рода социотехнические системы, объединяющие предметно-пространственные, архитектурно-ландшафтные, семиотические, мифосимволические и социальные элементы. Во-вторых, они несут особого рода функциональные черты, связанные с приведением социальных организмов различного масштаба в состояние упорядоченности (распределения функций, формирования связей, координации деятельности и пр.). В-третьих, они сами имеют особым образом упорядоченную структуру (иерархию соотношения элементов целого, их демонстративную связь и соподчинение, периодическую элиминацию).

Локус власти экстерриториален, предстает как символ островного мира, где из суеты обыденности человек попадает в зону торжественного спокойствия (часто лишь старательно имитируемого). Особая тема – тысячелетиями отработанная практика воплощения властных отношений в храмовой архитектуре, когда пространство площади становится развитием и продолжением храма. И это воплощение церковной власти не нуждается в массовом зрителе, достаточно служителей, замкнутых в нем.

Сложная динамика взаимообусловленности социального бытия и архитектурной среды диктует актуальность изучения взаимодействия социально-исторического портрета локуса власти и социума. В современном мире *дух локуса власти* (дух места, *genius loci* – по Л.Б. Альберти [8, с. 100]) следует искать в том, что называется «массовым сознанием», т. е. в воспоминаниях, представлениях, запретах, культах, мифах и пр. Семантика локуса власти надстраивается значениями богатого ассортимента атрибутов власти, свойственных форме ее организации и историческому периоду.

Гламурность и демонстрация благополучия рождают в обществе элементы радикального скептицизма по отношению к власти и ставят под вопрос (в идеале решаемый демократическими средствами) само ее существование. В любой социальной системе представители власти и носители престижа регулярно осмеиваются, неизбежно теряют со временем уровень поддержки населения. Сентиментальное и оптимистическое отношение к власти не приживается в современном обществе на длительный срок. Все эти особенности восприятия власти (политической, экономической, церковной) не угрожают ей напрямую, но акцентируют то обстоятельство, что натурализация властных отношений никогда не бывает «долгоиграющей» или окончательной. Отсюда следует понимание необходимости не только регулярной смены «лица» власти, но и ее архитектурно-ландшафтной «упаковки».

Актуальная проблема формирования и функционирования локусов власти является открытой для междисциплинарных исследований [11–18]. Понимание ситуации способно создать для нас преимущества (по крайней мере, в некоторых обстоятельствах), расширив наше сознание, а следовательно, и путь к ее позитивным изменениям. Символическая

креативность (в рассматриваемом контексте – процесс создания, развития и руинирования архитектурно-ландшафтных символов власти) – атрибутивная черта любого социума. К сожалению, в современной практике российского государственного управления возможности оперирования локусами власти (например, даже самое простое – использования потенциала децентрализации столичных функций) осознаются далеко не в той мере, как они того заслуживают.

ВЫВОДЫ

1. Системный взгляд на структуру и содержание феномена архитектурной среды предполагает выделение и исследование таких концептов, как территории, пространства и локусы, т. е. рассмотрение действительности преимущественно сквозь призму пространственных отношений.

2. Территория поселения – часть окружающего мира, среда допускающая существование на ней жизни, обеспечивающая ее ресурсами.

3. Архитектурное пространство – способ организации территории населенного места для определенного набора видов жизнедеятельности, т. е. социальная реальность, спроецированная на территорию. Возникает в процессе обустройства городской среды, функционально организует ее разные сферы (хозяйственно-бытовую, правовую, рыночную, социальную и др.).

4. Локус доминирующей функции рассматривается как оператор пространства социального бытия, но не сводится к понятиям топографии и ландшафта.

5. Важно, что в структурно-организационном отношении территории, пространства и локусы не ограничиваются рамками релевантности (т. е. не обладают подобием элементов, составляющих «матрешку» пространства бытия). Речь идет скорее о различных ракурсах феномена архитектурной среды, позволяющих рассматривать взаимоотношения социальных групп как особым образом организованных пространств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 608 с.
2. Косолапов Н.А. Глобализация: территориально-пространственный аспект // *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. № 6. С. 3–13.
3. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
4. Аркин Д.Е. Образы архитектуры и образы скульптуры. М.: Искусство, 1990. 664 с.
5. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 432 с.
6. Бурдые П. Физическое и социальное пространство: проникновение и присвоение. URL: <http://bourdieu.name/content/fizicheskoe-i-socialnoe-prostranstva> (дата обращения: 17.08.2020).
7. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // *Логос*. 2002. № 3 (34). С. 23–34.
8. Альберти Л.Б. Десять книг о зодчестве: в 2 т. М.: Всесоюзная академия архитектуры, 1935. Т. 2. 416 с.
9. Федоров В.В. Мифосимволизм архитектуры. М.: КомКнига, 2006. 264 с.
10. Федоров В.В. Архитектурный текст: очерки по восприятию и пониманию городской среды. М.: Ленанд, 2016. 226 с.
11. Левиков А.В. Взаимобусловленность динамики социального бытия и архитектурной среды: дисс. ... канд. филос. наук. М., 2017. 168 с.
12. Федоров В.В., Федоров М.В. Городские пространства власти // *ПРАКСЕМА. Проблемы визуальной семиотики*. 2018. № 3. С. 170–178.
13. Савчук В.В. Топологическая рефлексия. М.: Канон+, 2012. 424 с.
14. Наберушкина Э.К., Сорокина Н.В. Картографирование доступности городской среды // *Журнал исследований социальной политики*. 2016. Т. 10. № 1. С. 27–42.
15. Локус власти. Архитектура правительственных учреждений экстерриториальных зон Китая (1860–1930 гг.) // *Новые идеи нового века*. 2014. № 1. С. 246–254. URL: pnu.edu.ru/nionc/pub/articles (дата обращения: 02.08.2020).

16. Обирин А.И. Неравенство в пространстве города: пространственная сегрегация // *Вестник ТОГУ. Социология и философия*. 2011. № 1 (20). С. 223–230.
17. Коськов М.А. Архитектурные образы власти. URL: <http://philosophy.lengu.ru> (дата обращения: 02.08.2020).
18. Демос-версия: актуальные примеры архитектуры власти для народа. URL: <https://archspeech.com/article/demos-versya> (дата обращения: 04.08.2020).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ФЕДОРОВ Виктор Владимирович – д-р культурологии, профессор кафедры конструкций и сооружений, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», 170026, г. Тверь, наб. Аф. Никитина, д. 22. E-mail: vvf322@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Федоров В.В. Архитектурная среда: пространства, территории, локусы // *Вестник Тверского государственного технического университета. Серия «Строительство. Электротехника и химические технологии»*. 2020. № 4 (8). С. 38–47.

ARCHITECTURAL ENVIRONMENT: SPACES, TERRITORIES, LOCIS

V.V. Fedorov

Tver State Technical University (Tver)

Abstract. The structural organization of the city's architectural environment, including territories, spaces, and loci, is considered. It is shown that the architectural environment of the historical center of the city is characterized by special subject-spatial inclusions-loci of power. The complex dynamics of the interdependence of social existence and the architectural environment determines the relevance of studying the interaction of the locus (architecture) of power and society. The basic features of the architecture of power are considered: sociotechnical character, features of functioning, orderliness of the structure. The author analyzes the advantages and social significance of the power architecture, the latent features of the functional structure, the diachrony of compositional properties and the principles of ensuring closeness. The potential influence of power using architecture semantics is correlated with the processes of implementing algorithms for habitation, distribution, and dominance. The transformation of the status of the architectural space of power is considered not only as an architectural and planning transformation, but also as a change in its semantics and attitude to it. It is argued that the conceptualization of the locus (the assertion of authenticity) is converted into the popularity, influence, and economic growth of the locality. The social significance of loci of power is in their ability to subject-spatial modeling of social reality; in the formation of the potential for relieving social tension; in prompting the behavior of social actors in non-standard situations. It is noted that modern spaces of power are characterized by a gradual rejection of traditional closeness in favor of simulated openness. It is stated that the image of the architectural space of power is one of the angles of the socio-historical portrait of power.

Keywords: city, architectural environment, territory, space, locus, transformation of loci of power, sociosemiotics of architecture.

REFERENCES

1. Shony P. The Civilization of classical Europe. Ekaterinburg: U-Factoria, 2005. 608 p.
2. Kosolapov N.A. Globalization: territorial and spatial aspect. *World economy and international relations*. 2005. No. 6, pp. 3–13. (In Russian).
3. Shtompka P. Sociology of social changes. M.: Aspect Press, 1996. 416 p.
4. Arkin D.E. Images of architecture and images of sculpture. M.: Iskusstvo, 1990. 664 p.

5. Bourdieu P. Sociology of social space. M.: Institute of experimental sociology; SPb.: Aleteia, 2007. 432 p.
6. Bourdieu P. Physical and social space: penetration and appropriation. URL: <http://bourdieu.name/content/fizicheskoe-i-socialnoe-prostranstva> (date of access: 17.08.2020).
7. Simmel G. Big cities and spiritual life. *Logos*. 2002. № 3 (34), pp. 23–34.
8. Alberti L.B. Ten books about architecture: in 2 vol. M.: All-Union Publishing house. Acad. archit., 1935. Vol. 2. 416 p.
9. Fedorov V.V. Mythosymbolism of architecture. M.: Komkniga, 2006. 264 p.
10. Fedorov V.V. Architectural text: Essays on perception and understanding of the urban environment. M.: Lenand, 2016. 226 p.
11. Levikov A.V. Interconditionality of dynamics of social existence and architectural environment: diss. ... Cand. of Philos. Sc. M., 2017. 168 p.
12. Fedorov V.V., Fedorov M.V. Urban spaces of power. *PRAXEMA. Problems of visual semiotics*. 2018. № 3, pp. 170–178.
13. Savchuk V.V. Topological reflection. M.: Kanon+, 2012. 424 p.
14. Naberushkina E.K., Sorokina N.V. Mapping accessibility of the urban environment. *Journal of social policy research*. 2016. Vol. 10. № 1, pp. 27–42.
15. Locus of power. Architecture of government institutions of extraterritorial zones of China (1860–1930). *New ideas of the new century*. 2014. № 1, pp. 246–254. URL: pnu.edu.ru/nionc/pub/articles (date of access: 02.08.2020).
16. Obirin A.I. Inequality in the city space: spatial segregation. *Bulletin of the TOGU. Sociology and philosophy*. 2011. No. 1 (20), pp. 223–230.
17. Koskov M.A. Architectural images of power. URL: <http://philosophy.lengu.ru> (date of access: 02.08.2020).
18. Demos-version: actual examples of the architecture of power for the people. URL: <https://archspeech.com/article/demos-versya> (date of access: 04.08.2020).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

FEDOROV Victor Vladimirovich – Doctor of Cultural Sciences, Professor of the Department of Constructions and Structures, Tver State Technical University, 22, embankment of Af. Nikitin, Tver, 170026, Russia. E-mail: vvf322@yandex.ru

CITATION FOR AN ARTICLE

Fedorov V.V. Architectural environment: spaces, territories, locis // *Vestnik of Tver State Technical University. Series «Building. Electrical engineering and chemical technology»*. 2020. No. 4 (8), pp. 38–47.